

Вестник
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

1

1 9 7 4

Вестник МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 — 1974

Д. А. АВДУСИН

СКАНДИНАВСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В ГНЕЗДОВЕ

Судя по настойчивости, с которой В. И. Сизов обсуждал аспекты норманнской проблемы по материалам его раскопок¹, вопрос о количестве и роли норманнов в Гнездове возник уже во время первых крупных раскопок этой курганной группы, т. е. в 80-х годах XIX в. Эту проблему обострило выступление А. А. Спицына, опубликовавшего материалы раскопок С. И. Сергеева².

Археологический материал, в основном гнездовский, был использован в ходе ожесточенной борьбы норманистов, т. е. сторонников теории создания русской государственности варягами, и антинорманистов.

От детального обзора дискуссии по варяжскому вопросу вокруг Гнездова меня освобождает известный труд И. П. Шаскольского³.

Отметим лишь несколько моментов.

Наивысшего накала достигла дискуссия вокруг вопроса об этнической принадлежности конкретных гнездовских погребений. Все исследователи Гнездова не сомневались в том, что ряд курганов этой группы насыпан над погребениями скандинавов, но критерии этнических определений были разработаны слабо, и в этом вопросе были допущены ошибки сторонниками обеих группировок.

В результате дискуссии по варяжской проблеме, обострившейся после второй мировой войны, резко обозначились позиции обеих сторон, причем антинорманисты их явно улучшили. Если до 1949 г. основой научной разработки варяжского вопроса были материалы дореволюционных раскопок, основанных на устаревших приемах полевых и кабинетных исследований, то теперь эта база расширилась и улучшилась. Опубликовано много работ различных авторов, внесших в постановку вопроса новые данные, вовлечены в дискуссию скандинавские археологи, ранее лишь повторявшие основные норманистские положения и не желавшие слышать об аргументах советских исследователей.

¹ См. В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. Гнездовский могильник. «Материалы по археологии России», вып. 28. СПб., 1902.

² См. А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. «Известия археологической комиссии», вып. 15. СПб., 1905.

³ См. И. П. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.—Л., 1965.

С новыми раскопками, отчеты о которых в основном опубликованы⁴, появилась возможность выработки научного критерия в подходе к гнездовскому материалу. В нем одним из главнейших моментов является погребальный обряд, который, однако, нельзя оторвать от погребального инвентаря. Погребальный обряд не может быть импортирован и сравнительно мало изменяется, в то время как вещи могут быть утрачены. Интерес к исследованию погребального обряда как индикатора этноса появился сравнительно недавно и тесно связан с совершенствованием приемов раскопок⁵.

Крайне важна совокупность особенностей погребального обряда, так как какая-нибудь изолированная его черта лишь в редких случаях определяет этнос. Встречаемые при определении такой совокупности трудности многочисленны. Во-первых, языческие религии славян и скандинавов, а отчасти и балтов сходны, а значит, похож вытекающий из религии погребальный обряд. Во-вторых, особенностью скандинавской религии является множественность обрядов погребения и их вариантов. Например, в Скандинавии рассматриваемого периода сосуществовали кремация и ингумация, кремация на месте и на стороне, в корабле и без него, ингумация в корабле и в камере и т. д. Славянская религия, видимо, предполагала такое же разнообразие, хотя о нем мы знаем меньше. В-третьих, имея в виду совместное существование в Гнездове представителей по крайней мере трех этнических групп, вряд ли можно исключить смешение погребальных обрядов хотя бы во второстепенных вариантах. В-четвертых, особые трудности для реконструкции создает потревоженность гнездовских курганных кострищ, которые после сожжения погребального костра сгребались к центру, чем нарушался порядок расположения погребального инвентаря⁶. Наконец, весьма существенна недостаточность материала для сравнений, особенно с одновременными, бесспорно восточнославянскими захоронениями.

Анализ конструкции курганных насыпей, как кажется, дает мало сравнительного материала. Для Скандинавии типична треугольная или ладьевидная обкладка камнями основания курганной насыпи, но у нас таких обкладок нет. Замечу, что обкладка насыпи кольцом из камней (таких обкладок в Гнездове тоже нет) уже не исключительно скандинавская черта: она известна и в юго-восточной Прибалтике. Камни играли немалую роль в скандинавской религии, почитание камней отмечено, например, в Норвегии. В конструкции норманнских курганов они, казалось бы, должны иметь существенное значение, но сами скандинавские археологи связывают наличие камней в курганах с геологической особенностью, изобилующей камнями Скандинавии, а не с этническим критерием. Тем не менее эта привычность камня все же важна. Глаза скандинава долго не могли привыкнуть к виду равнины, и естественно, что в могилы своих сородичей он старался положить камни, столь обычные на его родине. Поэтому не следует исключать из круга возможных скандинавских черт окаймление камнями центра кострища

⁴ См. Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 г. «Материалы по изучению Смоленской области» (далее — МИСО), вып. 1. Смоленск, 1952; его же. Отчет о раскопках гнездовских курганов. МИСО, вып. 2. Смоленск, 1957; его же. Отчет о раскопках в Гнездове в 1957—1960 гг. МИСО, вып. 7. Смоленск, 1970.

⁵ См. И. П. Шаскольский. Ук. соч., стр. 99 и сл.; Д. А. Авдусин. Археологические разведки и раскопки. М., 1959, стр. 48.

⁶ Именно поэтому следует считать ошибочным вывод В. В. Седова об ориентировке погребенного в кургане № 47 моих раскопок и об отнесении этого погребения к балтскому. Как увидим ниже, этот курган совсем не балтский. Думаю, что В. В. Седов поторопился с признанием бесспорности реконструкции Черной Могилы (см. В. В. Седов. Следы восточнобалтского погребального обряда в курганах Древней Руси. «Сов. археол.», 1961, № 2, стр. 105).

или обкладку ими урны. В этих случаях камни подобны мешочку родной земли.

Некоторые археологи сравнивали глиняную площадку, на которую помещены урны в единичных гнездовских курганах, с такими подстилками, встречаемыми в единичных же курганах Скандинавии, например в Бирке. Но типично скандинавской эту черту считать нельзя: глиняные подстилки встречаются и в длинных курганах, которые теперь, вслед за А. А. Спицыным, считают балтскими. Тот же исследователь обращал внимание на обилие глины в конструкциях больших скандинавских курганов⁷. Известно, например, что из глины был сложен курган, содержащий корабль, в Усеберге (Норвегия). Но подобное качество, как кажется, может быть принято во внимание лишь в сочетании с несомненными скандинавскими признаками.

Для данной темы бесполезны такие варианты погребального обряда, как сожжение на месте возведения кургана или на стороне, оставление костей на кострище или помещение их в урну, расположение урны на кострище или в насыпи. Все эти случаи не имеют этнической окраски⁸.

Теперь, кажется, большинство археологов считают, что захоронение в ладье для этого периода является (у нас) скандинавским обрядом⁹. В Гнездове нет сохранившихся в курганах ладей, подобно найденным в Норвегии. Тому причиной абсолютное господство кремации. Впрочем, песчаные насыпи гнездовских курганов не сохранили бы даже несожженную ладью. Приходится довольствоваться косвенными признаками погребений в лодках. Еще В. И. Сизов обратил внимание на встречающиеся в кострищах заклепки длиной от 1,5 до 6,5 см. Ему было известно, что такими заклепками прикреплялась ладейная обшивка, и он готов был посчитать их за признак сожжения в ладье. Но в одном из раскопанных им курганов оказалось только 19 заклепок, которых недостаточно, чтобы скрепить все доски ладьи. Смущенный этим обстоятельством, Сизов пришел к странному выводу, что в данном случае эти заклепки служили для прикрепления умбонов к щитам¹⁰. В другом гнездовском кургане было найдено 234 заклепки, и они правильно определены как остаток сожженной ладьи.

Такой несомненный случай в Гнездове повторился лишь однажды. Находки же единичных заклепок (числом от одной до нескольких десятков) вряд ли можно истолковать как след сожжения в ладье. Несмотря на то что в шведских курганах также встречаются единичные заклепки, однако следует признать, что находки даже нескольких экземпляров заклепок все же символизируют обряд сожжения в ладье. Пока нельзя установить, клалась ли при этом в погребение часть ладьи или только заклепки, но это в данном случае не имеет большого значения. Учитывая, что подобная символичность обряда погребения в ладье присуща не только Скандинавии, но и Карелии¹¹, находки малого числа заклепок вряд ли являются веским доводом в пользу вывода о скандинавском характере погребения, если они не подтверждены другими неопровержимыми аргументами. Даже такой норманист, как Арне,

⁷ См. А. А. Спицын. Сопки и жальники. «Записки Русского археологического общества», т. XI, вып. 1 и 2, новая серия. Труды отделения славянской и русской археологии, кн. 4. СПб., 1899.

⁸ См., например, М. В. Фехнер. Тимеревский могильник. Сб. «Ярославское Поволжье X—XI вв.», М., 1963, стр. 12.

⁹ См. И. П. Шаскольский. Ук. соч., стр. 119.

¹⁰ См. В. И. Сизов. Ук. соч., стр. 68.

¹¹ См. Г. К. Гейкель. Из финляндской археологической литературы. «Известия археологической комиссии», вып. 38. СПб., 1911, стр. 120—121.

не считал это основанием объяснить аналогичные гнёздовские курганы скандинавскими.

Бесспорным скандинавским обычаем следует считать обряд возложения железной гривны на урну. Железные гривны являются, пожалуй, одним из самых типичных скандинавских предметов¹³. Кольцо играло огромную роль в религиях многих народов, в том числе и скандинавов, там оно было символом воскрешения.

Вряд ли будет ошибкой сопоставление обряда жертвоприношения котла с легендой о заклании богом Тором его котлов и о последующем их воскрешении. Но случаи подобного жертвоприношения не могут играть самостоятельной роли этнического определителя¹⁴. Таким же признаком, требующим проверки, вероятно, следует считать обычай вознаты в землю (в кострище) меч или копье¹⁵. Совсем сомнительным для этнических определений кажется наличие в инвентаре орудий труда¹⁶. Даже если этот обычай и имеет какую-то этническую окраску, остается неясным, какие орудия, в каком сочетании и числе необходимы для соответствующих выводов.

Какую-то роль в скандинавском погребальном обряде играли котлы, однако обычай помещать их в погребение встречается у большого числа народов во все времена и поэтому вряд ли может быть признан исключительно скандинавским.

Как уже сказано, весьма важно сопоставление погребального обряда и погребального инвентаря. Я не ставлю вопрос об аналогии всех скандинавских вещей, особенно оружия, о нем писали в своих работах А. В. Аринховский и А. Н. Кирпичников. Но вещи, с которыми труднее всего расстаться на чужбине — с частями национального (племенного) костюма и наряда, — здесь нельзя обойти. Такими, по мнению большинства археологов, являются фибулы, особенно скорлуповидные, гребенчатые, равноплечные, круглые, в какой-то степени колодезчатые, но не полкововидные, которые часты и у прибалтов. Как доказала Т. А. Пушкина, эти украшения не могли носить в той же выдержанной строгости, как скандинавы, представительницы других этнических групп — славянки и женщины балтских племен¹⁷. Видимо, такой же характерной скандинавской вещью является застежка обуви, имеющая птицевидную форму. Эта застежка предполагает и специфически скандинавскую обувь.

¹³ Определенные железные гривны как украшения не бесспорны. Мне известны только два случая нахождения железных гривен на дне скелета: в погребении № 123 Гомельского некрополя (см. Д. Я. Савоскицкий, Атлас Гомельских древностей. На кафедре археологии МГУ) и в кургане у оз. Салатер (см. А. В. Успенская, Раскопки на оз. Салатер. «Археологические открытия 1971 года», М., 1972). Конечно, такие гривны могли не только быть «одеждой» (?) глиняной урны. Отмечу также, что железные гривны есть в Норвегии, но они обильны в Швеции. А мне считал их настолько типично скандинавскими, что даже по упоминанию такой вещи, без проверки остального инвентаря, объявлял скандинавским гнёздовский курган № 7 из раскопок Сарчева, а был не прав, так как гривны в этом кургане оказались ошибочны.

¹⁴ В изданиях гнёздовских материалов всегда говорится о костях барана, но следует вспомнить, что аналогичные кости барана в котлах встречаются далеко не всегда.

¹⁵ См. Д. А. Авдуска, Варяжский вопрос по археологическим данным. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры» (далее — КСМНМК), вып. XXX, М., 1948, стр. 5.

¹⁶ Н. Bhetellig and H. Falk, *Scandinavian archaeology*. Oxford, 1917, p. 278.

¹⁷ См. Т. А. Пушкина, О хронологии некоторых украшений скандинавского происхождения на территории Древней Руси. «Восток. Моск. ун-та, история», 1972, № 1, стр. 90.

Встречающиеся в Гнездове костяные и стеклянные шашки являются частью игры, распространенной в Скандинавии¹⁷. В сочетании с другими признаками такие шашки могут получить качество этнических определителей.

Последнее, что я затрону,— вопрос о вещах-«гибридах», который впервые был поставлен В. И. Сизовым¹⁸. Х. Арбман к таким «гибридным» относит вещи, на которых встречается орнамент, присущий другим категориям вещей в Скандинавии. Примером «гибрида» может быть гнездовский меч, рукоять которого украшена орнаментом, обычным для женских скорлуповидных фибул, что никогда не встречено в Скандинавии. Другой пример — бляшки уздечки со скандинавским плетеным узором¹⁹. Х. Арбман считал, что вещи-«гибриды» сделаны шведским ремесленником, потерявшим связь с родиной, может быть, представителем второго поколения. Как полагает А. В. Арциховский, с таким же успехом им мог быть русский ремесленник, не знавший, что данный орнамент чужд украшаемому им предмету. Такие «гибридные» вещи вряд ли могли приобретаться скандинавами, только что приехавшими с родины. Видимо, их сбыт был рассчитан на людей, плохо помнивших обычаи Скандинавии, т. е. на второе поколение, а поэтому «гибриды» могут быть лишь второстепенным этническим признаком. Тем важнее для нас их сочетание со скандинавскими вещами.

Теперь можно перейти к рассмотрению конкретных погребений.

В числе курганов, раскопанных первым исследователем Гнездова М. Ф. Кусцинским, выделяется погребение № 15. В погребальном инвентаре меч, копье редкого типа, железная гривна с привесками в виде молоточков Тора и некоторые другие вещи²⁰. Жженые кости находились в трех горшках, которые стояли на камнях, на твердой земле. По разные стороны одного горшка были вонзены в землю меч и копье, на другой горшок была возложена железная гривна с привесками, в третьем кроме костей находилась часть погребального инвентаря. Об этом кургане я писал, что это, видимо, погребение варяга²¹, чему соответствует и обряд возложения гривны и норманнский тип копья²². С этими признаками сочетается размещение урн на камнях. В статье об этом кургане я предложил дату — не ранее начала X в., может быть даже позже этого времени. Позже мною было обращено внимание на то, что гривны в Гнездове в тех случаях, когда это можно было проверить, возлагались на урны, сделанные на гончарном кругу, что дает дату не ранее второй половины X в. К сожалению, сосуды из этого кургана не сохранились, и вопрос о точной его датировке пока открыт²³.

Видимо, следует признать скандинавским и погребение в кургане № 19 тех же раскопок. В кургане были жженые кости, а на них лежала железная гривна с привесками. Насыпь была невелика, высотой 1 м

¹⁷ См. Г. Ф. Корзухина. Из истории игр на Руси. «Сов. археол.», 1963, № 4, стр. 85—102.

¹⁸ См. В. И. Сизов. Ук. соч., стр. 36.

¹⁹ Там же, табл. 12, № 1.

²⁰ Здесь и далее в исследуемых инвентарях рассматривается только часть вещей, необходимая для выводов и отнюдь не исчерпывающая списка всех находок в данных курганах.

²¹ См. Д. А. Авдусин. О датировке гнездовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцинского. Сб. «Культура и искусство Древней Руси». В честь М. К. Каргера. Л., 1967.

²² См. А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, т. 2. М.—Л., 1966, стр. 9.

²³ М. В. Фехнер установила, что железные гривны на нашей территории бытуют со второй половины X в. Последующие возражения против этой даты не смогли ее опровергнуть, так как они базируются только на скандинавском материале. Следовательно, не опровергнута и предложенная мной датировка этого кургана.

при окружности основания, равной 19 м. Последняя цифра кажется ошибочной, тем не менее отмечу незначительный размер этой насыпи.

К сожалению, нам неизвестен обряд погребения в курганах № 44 и 45 из раскопок Соколова, в которых также найдено по железной гривне с привесками. В кургане № 44 гривна сопровождается двумя стрелами, одна из которых ромбовидная, т. е. русская, а вторая — ланцетовидная, т. е. варяжская. Может быть здесь погребен варяг. Гривна в кургане № 45 необычна для Гнездова: на ней имеется обрывок спирали из восьми витков. Сама гривна тоже тордирована. Кроме гривны в этом кургане найдена часть подковообразной фибулы со спиральным концом. Нетипичность гривны и нейтральный характер фибулы не позволяют сделать вывод об этнической принадлежности погребения.

Инвентарь кургана № 59 из раскопок Соколова состоит из поясного набора со скандинавским орнаментом, который Арбман назвал «гибридным», наконечника ножен меча с птицевидным изображением, ножа и наконечника его ножен, обломка подковообразной фибулы со спиралевидным концом, а также скорлуповидной фибулы. Мне остается подтвердить свое мнение о скандинавском характере погребения²⁴.

В Государственном Историческом музее на планшетах имеются вещи, якобы происходящие из кургана № 1 раскопок А. С. Уварова. Никаких полевых записей по этому кургану обнаружить не удалось. Инвентарь включает богатый набор стрел, из которых 8 ланцетовидных, две ромбовидные и одна двушипная, скандинавского типа, оковку ножен ножа, скобу от щита, подковообразную фибулу со спиралевидным концом, шесть бочковидных гирек, молоток и другие предметы, а из женских вещей — бусы. Однако нет полной уверенности, что на этом планшете не смешаны вещи из разных комплексов: слишком богат и слишком необычен для Гнездова их набор и слишком известна небрежность Уварова в обращении с комплексами.

Наиболее сложен вопрос о характере кургана № 20 из раскопок В. И. Сизова 1885 г. Это так называемый «Большой» курган. Сизов писал: «Мы не считаем себя вправе отнести большой курган, разрытый нами, к норманскому погребению»²⁵. А. А. Спицын, напротив, считал его как курган «чисто норманского типа»²⁶, указывая, однако, черты, отличающие, по его мнению, этот курган от «чисто» скандинавских курганов. Но указанный Спицыным обряд сожжения на месте не противоречит скандинавскому обычаю. А. В. Арциховский отмечал, что «этот курган можно условно приписывать смоленскому князю X в., как Черную Могилу — черниговскому. Ни тот, ни другой, судя по вещам, не были норманами»²⁷. Это мнение, однако, оспаривалось и Арне и Арбманом — крупнейшими представителями норманизма.

Рассмотрим сначала погребальный инвентарь этого кургана, в котором прежде всего обращает на себя внимание весьма характерный предмет — обломок железной гривны. В кургане найдены также оковка рога (Сизов счел ее женским украшением) с орнаментом, частым на скандинавских вещах, поясной набор, в котором выделяется двойной наконечник, аналогичный наконечнику из кургана в Борре (Норвегия), второй наконечник (не двойной), пряжка со скандинавским орнаментом, бляшки «гибридного» типа, две игральные кости, ножны ножа, два умбона, 19 ладейных заклепок, шлем с бармицей, меч (рукоять утрачена), копье, а также другие вещи, среди которых несколько бус, воз-

²⁴ См. Д. А. Авдусин. Варяжский вопрос..., стр. 11.

²⁵ В. И. Сизов. Ук. соч., стр. 118 и 125.

²⁶ А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 8.

²⁷ А. В. Арциховский. Введение в археологию. Изд. 3-е. М., 1947, стр. 183.

можно, говорящих и о женском погребении в этом кургане. Как видим, среди названных предметов немало вещей скандинавского происхождения, которым соответствует находка костей жертвенного барана (козла?), и заклепок, символизирующих ладью. Площадку, на которую был уложен погребальный инвентарь, окружали «небольшие валуны», что опять-таки соответствует скандинавскому характеру инвентаря.

Как видим, предположение о скандинавском характере погребения не беспочвенно, а противоположное мнение аргументировать нечем. Тем не менее следует подчеркнуть, что ряд поясных бляшек из этого кургана «гибридные», т. е. представляют собой местную интерпретацию скандинавского стиля. Погребение совершено, видимо, не раньше середины X в.

Скандинавские черты погребального обряда ярче всего видны в кургане № 74 из раскопок С. И. Сергеева. Здесь было найдено 234 железные заклепки, применявшиеся при скреплении обшивки ладьи. Для сравнения можно указать, что малая лодка из Туны (Норвегия) длиной 6 м имеет 180 заклепок, а лодка длиной 10 м из того же кургана — 350 штук. Наибольшее количество заклепок в корабле из Гокстада — 3000²⁸. Таким образом, ладья, в которой был сожжен покойник, погребенный в кургане № 74, могла быть длиной около 10 м. Как увидим дальше, этот расчет подтверждается и другими сравнениями.

В том же кургане было найдено два железных котла, из которых один был в обломках, а в другом, целом, находились кости и череп козла. На этом котле сверху лежал тонкий, расширяющийся книзу нож, украшенный у рукояти серебряной бородатой маской. При всей тщательности аргументации М. В. Фехнер, считающей такие ножи инструментами, употребляемыми при изготовлении тканей, я не могу не обратить внимания (вслед Б. А. Рыбакову) на положение этого ножа в погребальном инвентаре²⁹. Принесение в жертву козла, как уже говорилось, легко сопоставляется со скандинавскими мифами о богах и героях.

Богатый инвентарь кургана включает бляшки поясных наборов со скандинавским узором, вероятно, принадлежавших нескольким мужчинам. Оружия, однако, в кургане нет. В числе женских украшений четыре скорлуповидные фибулы с шипами в виде голов животных. Как известно, фибулы носились парами, что допускает предположение о сожжении в этом кургане двух женщин. Эти же фибулы позволяют установить дату кургана — вторая половина X в.³⁰ Арне относил этот курган к концу X столетия³¹.

Весьма интересны и важны восемь привесок в виде так называемых молоточков Тора. А. А. Спицын пишет, что они, может быть, с шейной гривны. Он указывает среди находок часть шейной гривны, но в ГИМе ее нет. Эта гривна, если она была, должна была быть железной, молоточки могли и не висеть на ней, так как они имеют особые колечки для ношения не на гривне, а отдельно или в составе ожерелья.

Скандинавский инвентарь в этом кургане столь многочислен, что его список для доказательства скандинавской принадлежности погребенных излишен. Можно обратить лишь внимание на обломок глиняной

²⁸ Эти цифры сообщены мне А. Э. Кристенсеном, за что приношу ему мою благодарность.

²⁹ См. Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее — МИА), вып. 11. М.—Л., 1949, стр. 41. Замечу, что такой же нож я видел в самаркандском музее из Афрасиаба.

³⁰ См. В. С. Дедюхина. Фибулы скандинавского типа. «Труды Государственного Исторического музея», вып. 43. М., 1967, стр. 197.

³¹ T. Arne. La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914, p. 224.

коленипреклоненной фигурки. Подобная еще два раза найдена в Гнездове, одна известна из Владимирских курганов, похожая, но медная фигурка идола происходит из Черной Могилы.

Курган № 74 был высотой около 3 м, при нижнем поперечнике 38 м, а поперечник верхней площадки (вершина кургана была плоской) равнялся 30 м. Насыпь была окружена рвом, который «делает насыпь более высокой, чем она есть на самом деле»³². Кострище было на материке и имело в длину (с юго-запада на северо-восток) более 10 м, в ширину от 4 до 10 м, при толщине на северо-востоке до 0,7 м. Как писал А. А. Спицын, этот «курган по устройству совершенно подобный № 65»³³.

Курган № 65 из раскопок Сергеева также был плоским. Его высота равнялась 1,8 м, нижний поперечник — 27 м, верхний — 25 м. Кругом основания были следы рва. Кострище открылось «на половине высоты насыпи» (1,0 м) и это позволяет предполагать, что высоту насыпи мерили из рва, на долю которого, таким образом, падает 0,8 м. Размеры кострища 16,8×10,5 м. Как и в кургане № 74, на кострище был котел, но не железный, а медный, содержащий череп и кости барана, «шерстью которого заполнено было все пространство между котлом и горшками» (их три, стояли вокруг котла). В инвентаре кургана бусы, серое и розовое пряслица, два шипа от сгоревшей скорлуповидной фибулы. Спицын считал инвентарь женским. Но среди вещей есть часть коромысла складных весов и, видимо, от них медный футляр, а также маленькая гирька, оселок, стеклянные игральные шашки. Вероятно, эти вещи надо считать мужскими.

В числе находок 20 заклепок длиной от 2 до 6,5 см. Этого недостаточно, чтобы доказать, что сожжение было произведено в ладье, но в сочетании с железной гривной с подвесками, шипами скорлуповидной фибулы и ладьевидной привеской заклепки могут быть истолкованы как символ ладьи.

Погребение включает шипы фибулы, видимо, датирующейся второй половиной X в., и розовое шиферное пряслице. Пряслица из розового шифера, судя по новгородским материалам, появляются в середине X в.³⁴.

Курган № 86 находился в группе курганов у Днепра и имел плоскую вершину. Северная часть насыпи была сложена из слоев синей и красной глины — случай в Гнездове исключительный. Высота ее была 5,65 м, поперечник у основания — 25 м, на вершине — 8,5 м, кругом основания — следы рва. Поперечники кострища 23 м и 12,5 м, толщина более 0,35 м.

В инвентаре этого кургана железная гривна, две скорлуповидные фибулы, не менее 15 железных заклепок, кости барана — признаки погребения скандинавского типа. Мужской инвентарь представлен великолепным набором оружия, включающим меч, кинжал (они были воткнуты в землю), шлем (он их покрывал), кольчугу, копье, стрелы. Найдены также игральная кость, весы с футляром, поясной набор и другие вещи. Женский инвентарь представлен обломками двух скорлуповидных фибул и бусами.

Рисунок поясного набора из этого кургана Арне привел как доказательство переживания в Гнездове постсасанидского стиля, что впоследствии дало повод некоторым археологам говорить о ранних вещах,

³² А. А. Спицын. Гнездовские курганы..., стр. 46.

³³ Там же.

³⁴ См. Е. А. Рыбина. Из истории южного импорта в Новгород. «Сов. археол.», 1971, № 1, стр. 262.

якобы встречающихся в Гнездове и, как следствие, о будто бы имеющих там ранних курганах. В действительности по фибулам курган следует датировать второй половиной X в. Сам Арне относит его к концу этого столетия.

Кольчуга, шлем и копье из этого кургана — русского типа, и это показывает, как опасно определять этническую принадлежность погребенного по предметам вооружения.

Курган № 23 из раскопок И. С. Абрамова имел в высоту 2,85 м при поперечнике, равном почти 30 м. Кострище лежало на высоте около 1,75 м от материка³⁵, его поперечники от 8 до 11 м. В кострище две гончарные урны и один горшок в черепках, а также медный котелок с пережженными костями. Котелок, видимо, был обернут в ткань. В кострище найдены кости барана, коровы и курицы.

В инвентаре много вещей скандинавского стиля: поясной набор, большие бляшки, одна из которых сибирского типа, но со скандинавским, видимо, «гибридным» орнаментом, привески, заклепки с фигурной головкой, обломки костяных изделий, а также гирьки от весов, стеклянная игральная шашка и другие предметы мужского обихода. Женские вещи представлены бусами. Кроме того, в коллекции Государственного Эрмитажа (и в его описях, но не в изданных дневниках) имеется около 35 ладейных заклепок и саманидский дирхем Насра II (914—943 гг.). Монета соответствует датировке погребения второй половиной X в., которая установлена на основании наличия в инвентаре гончарной керамики, бочковидных гирек, привесок в виде четырех сцепленных колец. Наиболее вероятно, что погребение скандинавское.

Рядом с этим курганом был расположен самый большой из гнездовских курганов — курган № 24, начатый Сизовым в 1896 г., раскопанный колодцем в 1905 г. Абрамовым и докопанный в 1950 г. мной. Курган в 1905 г. имел высоту около 8 м, а в 1950 г. — 6,7 м, при поперечнике 35—37 м. Насыпь сложена из глины, костер сожжен на подсыпке высотой 1 м. Вокруг насыпи были радиальные ровики, подобные имеющимся вокруг большого кургана в Борре (Норвегия).

В центре кострища стоял большой медный котел, отчасти обтянутый мехом. Внутри котла лежали пережженные кости, часть кольчуги, а поверх — рыба, от которой сохранилось много чешуи. С южной стороны котла стояли три гончарных горшка с жжеными костями. С западной — лежала голова барана, с восточной — большая свернутая кольчуга (на ней чешуя и жженные кости). В кургане найдено около 150 ладейных заклепок. Кроме кольчуги мужские вещи представлены частями поясного набора, костяными игральными шашками (8 экз.), оселком, бородкой ключа. Неоспоримых женских вещей нет. Может быть это обрывки золотых нитей, золотое плетение из таких же нитей да немногие обломки сердоликовых бус. Есть игла от фибулы неизвестного типа, но вероятнее всего подкововидной, т. е. мужской. Курган скандинавский.

Перейду к рассмотрению раскопок 1949—1972 гг. Прежде всего следует обратить внимание на курган № 47. Форма его насыпи приближалась к четырехугольной, вершина плоская, размером около 5×5 м. Высота насыпи 1,2 м, ее поперечники 13—13,5 м. В погребальном инвентаре было 276 ладейных заклепок — несомненное свидетельство сожжения в ладье. Размеры насыпи и количество заклепок указывают на то, что длина ладьи не могла быть больше 10 м, а скорее меньше. Сре-

³⁵ А. А. Спицын указывал, что яма прежних раскопок имела глубину 2 аршина и всего на четверть не дошла до вещей. Стало быть, кострище лежало на глубине 1,6 м. Значит, или курган был выше 2,85 м, или кострище лежало глубже.

ди найденных вещей — железная гривна с привесками, подкладка скорлуповидной фибулы, оковка рога с обычным скандинавским узором, скоба для подвешивания меча с «гибридным» орнаментом, 12 костяных шашек, две игральные кости, привеска в виде меча, бусы и другие предметы мужского и женского обихода. В кургане найдена византийская монета — привеска императора Феофила (829—842 гг.). Жженые кости находились в двух примитивно изготовленных гончарных сосудах. Кроме урн обнаружены черепки трех лепных сосудов. Таким образом, курган следует отнести к середине X в.

В кургане № 13, имевшем насыпь, высотой 1,6 м и поперечник, равный 15 м, была найдена 61 ладейная заклепка. Даже такое, сравнительно большое их число не может говорить о захоронении в ладье, но, как и в прежних случаях, является лишь ее символом. Среди вещей были 5 дирхемов, железная гривна, 4 обломка, видимо, фибулы, пинцет, стеклянные шашки, бляшки поясного набора, весовые гирьки, два вонзенных в землю обломка меча, большое число бус, остатки спирального, северянского (или балтского?) височного кольца³⁶. В насыпи прослеживались следы столба, может быть, памятника. Найдено пять сосудов, из которых наибольший — с костями. Два сосуда — гончарные, привозные, остальные три — местные, лепные. Курган датируется серединой X в.³⁷ Весьма вероятно, что это погребение — скандинавское.

Курган № Ц-2, тот самый, который В. И. Сизов и вслед за ним многие археологи называли самым большим в Гнездове. В действительности он лишь казался более высоким, чем другие, так как стоял на высшей точке береговой террасы. Его насыпь все же была значительной — 4,6 м высоты при поперечнике до 36 м. В кургане было два кострища, одно — на горизонте, другое — на подсыпке около 1 м толщиной. Верхнее кострище лежало на подстилке из глины, жженые кости встречались в нем повсеместно. Инвентарь включает поясной набор, в том числе пряжки и бляшки со скандинавским орнаментом, «проколку» костяную, а также бусы. Погребение, таким образом, парное. В этом кострище встречено 2 целые ладейные заклепки и 5 обломков.

Нижнее кострище лежало на материке, прожженном погребальным костром на глубину до 0,6 м. Погребение, судя по вещам, также парное: кроме бус и обломков равноплечей фибулы в виде человечка, рвущего на себе волосы, и глиняного пряслица, в яме под кострищем найден меч с орнаментом на рукояти в «гибридном» стиле. Кости на этом кострище находились в лепной урне. Найдены также 6 ладейных заклепок.

Прямых доказательств тому, что найденные погребения — погребения варягов, я не вижу. Лишь некоторые вещи орнаментированы в скандинавском стиле, да заклепки свидетельствуют о пережитках обряда погребения в ладье. Не говорит об этом и «гибридный» стиль орнамента на рукояти меча, который, однако, позволяет думать, что если в этом кургане погребены все-таки варяги, то это скандинавы не первого поколения.

Курган № 33 имел большую плоскую насыпь; при высоте 2 м она имела поперечники 24,7 и 26,5 м. На кострище находилась гончарная урна, на которую была возложена железная гривна с привесками. В кострище найден обломок такой же гривны, три железные заклепки, две костяные шашки и игральная кость, ланцетовидная и ромбовидная стрелы, застежки обуви в форме птицы, три бляшки поясного набора,

³⁶ Кольцо обгорело в костре и определение его типа затруднено.

³⁷ См. Д. А. Авдусин. Гнездовская корчага. Славяне и их соседи. «Сб. в честь П. Н. Третьякова». МИА, вып. 176. М., 1970, стр. 113.

бусы, обломки скорлуповидной (?) фибулы, золотые нити и пр. Сочетание обряда возложения гривны на урну, типичной скандинавской застежки обуви и фибулы сопоставляется с символом обряда сожжения в ладье.

Может быть, о скандинавском погребении говорит насыпь кургана № 38 из раскопок Сизова 1896 г., состоящая из камней. К сожалению, для твердых выводов о ней мало что известно. В кургане № Ц-40 моих раскопок урна была обложена камнями — обряд исключительный для Гнездова, но известный в Скандинавии.

В кургане № Ц-99, который имел высоту 1,2 м при поперечнике 10 м, было найдено три гончарные урны, на одну из которых была возложена железная гривна с привесками. Эту урну подпирает камень. Северо-восточный сектор кострища окаймлен небольшими камнями. В кострище найдены три железные заклепки. Несомненно, что погребение в этом кургане скандинавское. В кострище найден саманидский дирхем Ахмеда ибн-Исмаила (907—914 гг.), но погребение следует датировать второй половиной X в. В инвентаре этого кургана скобчатая фибула, скоба от колчана (?), «ледоходные» шипы, поясные накладки, а также много полуовальных скобок, которые Спицын называл «кольчужками».

К сожалению, почти ничего неизвестно о погребальном обряде курганов из раскопок Сизова и Соколова, содержащих железные гривны (№ 12 раскопок 1880 г., № 8 раскопок 1898 г.). Две гривны и умбон найдены в кургане № 58 раскопок Сергеева. Гривна, скорлуповидная и равноплечая фибулы были в кургане № Ц-5 моих раскопок, причем мужских вещей в этом погребении нет. Обломки железной гривны обнаружены мною в кургане № 73.

В 18 курганах (№ 29, 37, 39, 40 — из раскопок Соколова, № 1, 2 — из раскопок Сизова в 1894 г., № 26, 34, 52, 85, 89, 90 — раскопок Сергеева, № 4, 23, 26-а, 35, 50, Ц-28 — моих раскопок) найдены фибулы, в большинстве скорлуповидные, но в кургане № 53 раскопок Сергеева и № 9 раскопок Сизова в 1898 г. — трехлопастные, а в кургане № 85 тех же раскопок и № 35 моих раскопок — равноплечие. Многие из этих курганов насыпаны над парными погребениями (например, № 26, 53, 85 — раскопок Сергеева, № 23 и 35 моих раскопок), причем мужской инвентарь иногда не содержал ничего скандинавского. Возможно, что в них погребены нескандинавы со скандинавскими женщинами. В других же похоронены скандинавки.

Ряд курганов содержит норманские вещи, но они единичны и недостаточно характерны для окончательных выводов. Это курган № 8 раскопок Кусцинского (игла с кольцом), № 18 раскопок Соколова (далее — по типу — Сок-18) («гибридный» поясной набор), Сок-54 (птицевидная застежка обуви), Сок-67 (верх кольцевидной фибулы), Сок-73 (обломок скобчатой фибулы), № 67 из раскопок Сизова в 1896 г. (фибула в виде змея, заглатывающего человека), № 83 тех же раскопок (наконечник ножен меча), Серг-44 (обломок фибулы), Серг-46 (игла фибулы), Серг-48 (игла с кольцом), Серг-61 (обломки медного котелка), из раскопок Авдусина: № 22 (ножны и др.), Ц-1 («проколка», бляшка, стрела), Ц-4 (обломки фибулы), Ц-20 (игла с кольцом), Ц-25 (ножны), Оль-3 («проколка», обкладка ножен). Итого — 17 курганов.

Остальные курганы в Гнездове не содержат сочетаний признаков скандинавского погребального обряда и скандинавских вещей, а также не имеют в инвентаре определяющих скандинавских изделий типа железных гривен или скорлуповидных фибул. Не исключено, что некоторые из этих «неучтенных» курганов могут оказаться норманскими, но

в отношении их мы пока не располагаем данными, позволяющими обосновать такой вывод.

Думаю, что не следует останавливаться отдельно на перечне скандинавских вещей из Гнездова, которые видел Арне. Некоторые из них разобраны выше, другие не могут быть разделены по комплексам до сих пор. Полагаю, что общую картину этот перечень существенно не меняет.

* * *

Итак, произведенный анализ погребального обряда и инвентарей выявил довольно большое количество скандинавских погребений в Гнездове и курганов, где их можно предполагать. Однако это число не так уж значительно, если вспомнить общее число исследованных там курганов — около 850. Полагая, что процентное соотношение их для Гнездова бесполезно пока не раскопаны все курганы, отмечу, что их число вполне сопоставимо с количеством варяжских погребений, например, в ярославских курганах³⁸.

В свете новых исследований Гнездово теперь следует понимать как контрольный пункт на пути из варяг в греки. Естественно, что в таком поселении должны были жить представители разных племенных и даже этнических групп. Очевидно, что на гнездовском поселении были не только постоянные жители. Были там и люди, не успевшие пройти на Днепр до зимы и ожидавшие весеннего паводка³⁹, были и другие, совершившие в Гнездове временную остановку. Поэтому нет оснований думать, что все гнездовские курганы, в том числе скандинавские, возведены над местными жителями. Как мне уже приходилось писать, в пути гибло немало, в том числе, и, может быть, главным образом, на волоке⁴⁰. Вспомним, например, Ибн-Фадлана, описавшего погребение человека, видимо, умершего в пути, а не местного жителя.

В Гнездове жили и славяне, и балты, и скандинавы. Представители какой из этих этнических групп возвели многочисленные кенотафы, являющиеся памятниками погибшим на чужбине, сказать трудно, но несомненно, что это были местные жители, иначе теряет смысл сама идея кенотафа. Такая могила должна была сооружаться на родине погибшего.

На поселении жила значительная группа воинов: поселок надо было охранять. Но не следует преувеличивать значение этой военной группы, основную часть населения составляли ремесленники, о чем свидетельствуют не только орудия труда в курганах, но и производственные остатки на поселении⁴¹. Военный характер гнездовских курганов преувеличивался со времен Сизова, назвавшего их «дружинными». Это название имеет смысл только в том случае, если под ним подразумевать какой-то «дружинный» период, т. е. начальный период русской государственности. В остальном же он не оправдан, так как в таких курганах погребены не только и не столько дружинники, сколько ремесленники, мелкие торговцы и т. п.

³⁸ Сб. «Ярославское Поволжье», стр. 17, 19.

³⁹ См. Т. А. Пушкина. О гнездовском поселении. «Вести. Моск. ун-та», история, 1974, № 1.

⁴⁰ См. Д. А. Авдусин. Гнездово и днепровский путь. Сб. «Новое в археологии». В честь А. В. Арциховского. М., 1972.

⁴¹ См. Т. А. Пушкина. О гнездовском поселении. Интересно отметить, что терраса, на которой расположены остатки производственных сооружений, нередко затопляется полыми водами Днепра, что может говорить о временном характере производства, т. е. о производственных сооружениях не местных жителей, а проезжих людей.

Теперь установлено, что гнездовские курганы начали возводить не ранее X в., а их основная масса, в том числе основная масса скандинавских погребений, совершена во второй половине этого столетия, когда Древнерусское государство уже существовало. Это время отделено почти столетием от времени пресловутого «призвания варягов». Норманны, жившие в Гнездове или проходившие через него, не могли быть хотя бы поэтому (я не забываю о цепи других, более важных причин) основателями Древнерусского государства и не могут быть сопоставлены ни с варягами в легенде о «призвании князей», ни с варягами, участвовавшими в походе Олега через Смоленск. А то, что многие варяги добились на Руси высокого положения, так же как и то, что в XI в. они полностью обрусели, давно подтверждено анализом письменных источников.

Русское оружие в скандинавских курганах Гнездова, вещи-«гибриды», полное отсутствие керамики шведских типов и, напротив, наличие славянских горшков почти в каждом погребении — все это факты, свидетельствующие против предположения норманистов о том, что Гнездово было поселением, где варяги не только останавливались проездом, но в большом числе жили постоянно, где была шведская «колония». Если бы это было так, варяги неминуемо принесли бы в Гнездово свой шведский быт. В местной топонимике нет скандинавских названий, что, по мнению норвежского археолога Ш. Блиндхейм, свидетельствует против трактовки Гнездова как норманнской колонии. Наличие в парных погребениях типично скандинавских украшений свидетельствует часто о том, что скандинавки погребены вместе со своими иноплеменными господами.

Весьма характерно, что в погребениях гнездовских норманнов чаще, чем в Скандинавии, встречаются наборные пояса. Это явление можно рассматривать как восприятие восточноевропейской моды. Ношение вещей-«гибридов» свидетельствует об оторванности варягов от Швеции. Если можно согласиться с мнением Арне о существовании в Гнездове скандинавов второго поколения (конечно, не в том числе, как это думал Арне), то наряду с этим надо признать, что первое поколение их там не жило.

Имея в виду, что становление днепровского пути, как пути торгового, произошло не ранее начала X в.⁴², что основной путь шел через Рижский залив и Двину, на котором следы оживленной деятельности, как и в Гнездове, отмечаются во второй половине X в.⁴³, сопоставляя это с находимыми в Гнездове подкововидными фибулами, типичными для юго-восточной Прибалтики, и с некоторыми другими привезенными оттуда предметами, можно думать, что гнездовские варяги были скандинавами с балтской примесью, первое поколение которых жило где-то там, может быть на Готланде, бывшем местом смешения племен.

Я не хочу анализировать аргументацию других исследователей, опускаю и иные аспекты поднятой проблемы, считая своей основной задачей — вычленить скандинавские погребения в Гнездове и оценить результаты этой работы. Как видим, роль норманнов в Гнездове нам представляется не по Спицыну, не по Арне и не по Арбману.

Представлена кафедрой археологии
26 февраля 1973 г.

⁴² См. Д. А. Авдусин. Гнездово и днепровский путь, стр. 159—169.

⁴³ См. Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, стр. 29, 87, 98.